
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 341.01

DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(1).40-57

ВТОРЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

В.Ф. Анисимов¹, Ю.В. Трунцевский²

¹ Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия

² Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

04 августа 2020 г.

Дата принятия в печать –

15 января 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

15 апреля 2021 г.

Ключевые слова

Международное право, национальное право, правовая система, имплементация, дуализм, мягкое право, договоры, коррупция, суды

Неограниченность международного права только межгосударственными отношениями в результате глобальных процессов требует разработки новых научных подходов к осмыслению процессов вторжения международного права в правовые системы государств, воздействия норм международного права и международных институтов на национальный правопорядок, что и стало целью данной статьи.

Опираясь на результаты, в том числе, проводимой в нашей стране конституционной реформы 2020 г., авторами сформулирован ряд выводов, которые охватывают: обоснование трансформации основополагающего принципа международного права – договоры должны соблюдаться – в практически императив – национальное законодательство должно изменяться; определение разнообразия форм вторжения международного права в национальные правовые системы, связанных с признанием юрисдикции международных судебных органов, экстерриториального действия зарубежного права, наднационального характера права интеграционных образований, с невозможностью отдельных государств противодействовать экспоненциальной коррупции исключительно национальными институтами власти. Доказывается значение наличия у каждого государства права самостоятельно определять пределы вторжения международного права в их национальную правовую систему: содержание имплементационного законодательства; полноты исполнения решений и выполнения рекомендаций международных органов и судов; признания экстерриториального действия зарубежного права и выбора форм его исполнения.

INTRUSION OF INTERNATIONAL LAW INTO THE NATIONAL LEGAL SYSTEM

Valery F. Anisimov¹, Yuri V. Truntsevskiy²

¹ Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

² Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Article info

Received –

2020 August 04

Accepted –

2021 January 15

Available online –

2021 April 15

Keywords

International law, national law, legal system, implementation,

The subject of the research is the peculiarities of the implementation of international law in national legal systems, the law enforcement practice of the implementation of international legal obligations of the state, doctrinal approaches to the interaction of the norms of international and domestic law.

The purpose of the article is to confirm or disprove the hypothesis that the limits, forms and methods of the ex-ante intrusion of international law into the national legal system are determined not only as a result of the agreed will of States, but also against such will, under the influence of the interests of individual States or their political blocs that occupy a dominant position in an international organization.

Methodology. The authors use such general theoretical and specific scientific methods as comparative analysis, generalization, interpretation and classification as well as systemic analysis and formal logical methods.

dualism, soft law, contracts,
corruption, courts

The main results. The forms and methods of intrusion of international law into the legal systems are diversified. International law is not limited to interstate relations. Global processes require the development of new scientific approaches to understanding the processes of intrusion of international law into the legal systems of States. These processes require the study of the forms and methods of the impact of international law and international institutions on the national legal order. States are sometimes forced to implement measures developed in the international implementation mechanism (due to the need for international financial assistance as well as the inability to single-handedly defeat internal corruption, create a favorable international image, etc.). The international legal invasion exist already ex – post through the decisions of international judicial bodies or the assertive recommendations of international organizations. Their demands are made not just to comply with international obligations, but to change national legislation. The implementation of the norms of international law in national legal systems should be carried out at the domestic level just as much as it is necessary to fulfill these international obligations. The law enforcement practice in the state is based solely on national principles of law, and it is unacceptable to comply with the requirements from the outside to change them from the point of view of the independence of the state. It is the exclusive right of each State to determine the content of acts of interpretation of international bodies in relation to the decisions and actions of specific States from the point of view of their national interests.

We prove that every state has the important right to determine the limits of the invasion of international law in their national legal system: the contents of implementing legislation; the completeness of implementation of the decisions and recommendations of international bodies and courts; the recognition of the extraterritorial validity of foreign law and forms of its implementation.

Conclusions. The fundamental principle of international law- *pacta sunt servanda* – is transforming into a practical imperative – national legislation must change. This is due to the recognition of the jurisdiction of international judicial bodies. This is due to the extraterritorial effect of foreign law; it is connected with the transnational character of the law of international integration entities. This is due to the inability of individual States to resist exponential corruption. The continuous nature of the intrusion of international law into national legal systems is reflected in the various methods of such interference. The article proves the importance of each state having the right to independently determine the limits of the intrusion of international law into their national legal system.

1. Введение

Продвижение глобализации изменило концепцию четкого разделения между юрисдикцией государства, основанной на его суверенитете, и все, что находится за его пределами [1, с. 6]. Международное право больше не ограничивается межгосударственными отношениями, касающимися таких тем, как территория, война и мир; оно также регулирует правовые отношения, которые до недавнего времени считались подпадающим под исключительную компетенцию государств и их правовые порядки: здравоохранение, экономика, трудовые стандарты, охране окружающей среды и др. [2, с. 48]. Развитие международного права привело к включению в него, в качестве субъектов, физических и юридических лиц (так, коммерческие организации несут ответственность за соблюдение прав человека) [3, с. 5]. Однако наиболее заметными субъектами междуна-

родного правопорядка по-прежнему являются государства и, в меньшей степени, международная организация.

В юридической науке признается, что международное право не обладает силой изменять или создавать нормы внутригосударственного права и «нормы международного права обязательны лишь в той степени, в какой государство «чувствует» себя связанным его предписаниями» [4, с. 53]. Как только эти нормы появились, прежде всего, посредством договоров или обычаев, государства сами возложили на себя задачу обеспечения соблюдения международных правил [5, с. 13].

Термин «имплементация» определяется как акт введения в действие нормы международного права в рамках правового порядка государства и эффективность внутренних имплементационных мер является обязательным условием соблюдения госу-

дарством договора¹. «Имплементация относится к мерам того, что государства принимают для осуществления международных соглашений в своем внутреннем праве» [6, с. 4].

2. Дискуссия

Проблема приведения в действие норм международного права на территории государства решается каждой страной самостоятельно, так как формы и методы обеспечения выполнения, принятых государством международных обязательств (норм) относятся к исключительному суверенному праву каждой страны [7, с. 29].

Имплементация норм международного права – это целенаправленная организационно-правовая деятельность государств, предпринимаемая индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств [8, с. 62]. Международное обязательство – это правило поведения для субъектов международного права. Такое правило одно – оно имеет международно-правовое значение, но действовать оно будет в двух разных правовых формах: согласованной (договорной) воли государств; и в качестве национально-правовой нормы, осуществление которой является международно-правовым обязательством этого государства.

Международный и национальный правовой порядок должны рассматриваться как отдельные юрисдикции. Это ситуация, при которой международное право для достижения целей, заложенные в международно-правовом документе [9, с. 22], налагает на государство обязательство принимать законодательство на национальном уровне². Такое законодательство называется «имплементационным» [9, с. 29]. Обязательства для государства, принимающего имплементационное законодательство,

обычно являются частью международных договоров³, либо решений международных организаций, например, некоторые резолюции Совета Безопасности ООН по терроризму и по нераспространению оружия массового уничтожения.

Исходя из существования «разрыва» между международным и национальным правом, существуют две разнопорядковые системы имплементации или два самостоятельных механизма имплементации, соотносящиеся с ней как части и целое, каждая из которых состоит из своих собственных структурных элементов [8, с. 58].

К международным организационно-правовым инструментам имплементации следует отнести деятельность статутных органов организаций, например ООН, Совета Европы – соответственно Совет Безопасности и Европейский суд по правам человека, ГРЕКО⁴.

На национальном уровне механизм имплементации – это система правовых инструментов, способствующих закреплению и отражению во внутригосударственном законодательстве тех международно-правовых норм, которые признаны государствами в качестве стандартов. Так, для обеспечения применения норм международных договоров судами в Верховном Суде РФ был учрежден отдел международного права, входящий в Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ [10, с. 160]. При этом внутреннее имплементационное законодательство не должно противоречить внутренним законам, поскольку это сделало бы имплементационное законодательство неэффективным.

Самым важным шагом после принятия имплементационного законодательства (*ex post*) – это его эффективное применение на практике⁵ и простое его существование недостаточно для того, чтобы признать соблюдение государством своих международных обязательств. Иными словами, имплементация

¹ В Руководстве для законодательных органов отмечается, что положения и требования Конвенции должны быть четко поняты законодателями и политиками, и имплементационная мера должна соответствовать требованиям Конвенции (UN Office on Drugs and Crime, *Legislative Guide for the implementation of the United Nations Convention against Transnational Organised Crime and the Protocols Thereto* (United Nations, New York 2004. p. 9).

² Это такие международные правовые документы, которые имеют непосредственную цель принятия национального имплементационного законодательства, при условии, что национальный правовой порядок будет опираться на этот международно-правовой документ.

³ В исключительных ситуациях обычное право может содержать обязательство соблюдать нормы международного права и принять законодательство на национальном уровне. Единственный известный пример касается запрещения пыток и запрета на геноцид.

⁴ Группа государств против коррупции (Groupe d'États contre la corruption, GRECO, далее – ГРЕКО).

⁵ Понятие эффективности отражено в максиме *ut res magis valeat quam pereat*, что можно перевести как «чтобы добиться успеха, а не потерпеть неудачу». Требуется, чтобы договорное положение интерпретировалось таким образом, чтобы применяемая норма становилась эффективной.

ция международного права в рамках внутренней правовой системы должна выходить за рамки разработки или изменения текстов правовых норм.

Так, законодательные, исполнительные и судебные органы государств служат связующим звеном между международным и национальными правовыми порядками – внутренние имплементационные акты (будь то законодательные, исполнительные или судебные) сохраняют большое значение в реализации международного права. Национальные имплементационные меры являются важным элементом в осуществлении международного права; без этих мер международное право не будет реализовано, а правовые инструменты не смогут иметь юридических и практических последствий во внутренней юрисдикции [11, с. 91]. Поэтому следует признать такую функцию государства, как имплементация норм международного права.

В статье специально не ставится задача рассмотреть элементы национальной правовой системы (система права, правовая культура и правовая практика), в которые вторгается международное право в широком смысле (нормы, институты), оставив данные проблемы на дальнейшее исследование. Попытаемся установить формы и методы такого вторжения.

Термин «связь» в международном и национальном аспектах, предполагает существование отдельных правовых порядков, с точки зрения двух теоретических подходов ответа на этот вопрос о месте, которое международное право занимает во внутреннем праве, иерархии норм, т. е. является ли международное право высшим или низшим по отношению к нормам отечественного права: дуализм и монизм [12, с. 48]. Известные сторонники дуалистической концепции отношений между международными и национальным правом – итальянец Дионисио Анцилотти (1867–1950) и немец Генрих Трипель (1868–1946), утверждали, что существуют различия между международным и национальным правом [13, с. 52–53]. Сторонники монизма придерживаются мнения, что международное и национальное право – это одна часть единого правового порядка и проявляется это на международном или национальном уровне, с точки зрения одновременного воздействия параллельных правил [14, с. 16–17] на один объект международных и внутренних норм [15,

с. 326]. Существуют две ветви монизма: монизм, который считает международное право выше национального закона, и монизм, который утверждает, что национальное право более высокого ранга, чем международное [5, с. 52].

Все ранее сказанное об имплементации норм международного права – положения, довольно устоявшиеся в теории международного права [16; 17], в том числе на уровне диссертационных исследований [18–24].

3. Результаты исследования

3.1. Взаимодействие международного и внутригосударственного права

Вместе тем, многообразие существующих правовых систем отражает отсутствие глобального или регионального консенсуса по вопросу о взаимосвязи между международным и внутренним правом с национальной точки зрения: государства открыли свои внутренние юрисдикции к международному праву в той или иной степени. Различные модальности⁶ рецепции международного права во внутреннем правовом порядке колеблется от чистого монизма к чистому дуализму и тому, что между ними.

Так, государство, которое придерживается сильного дуализма, будет отказываться в действительности международно-правовым нормам во внутригосударственном правовом порядке, за исключением случаев, когда внутренний (законодательный) акт преобразования или инкорпорации прописал международную норму как качество закона [1, с. 7]. Специальная статутная инкорпорация требует, чтобы каждый договор был прямо инкорпорирован до того, как он сможет быть применен внутри страны включен в отечественный правовой порядок [25, с. 98]. После инкорпорации положений договора применяться будет имплементационный акт, а не сами положения договора [26, с. 622–623]. Исключение из этого общего правила составляют договоры, заключаемые учреждениями ЕС. Они непосредственно применимы в правовом порядке государств-членов в качестве европейского права [26, с. 622–623].

Фундаментальные принципы дуализма были подтверждены практикой государств на протяжении всего XX в. и до настоящего времени [14, с. 20]. Дуализм, с этой точки зрения, подразумевает четкое разделение между международным правом и наци-

⁶ Модальная оценка выражается с помощью модальных понятий: «необходимо», «возможно», «случайно», «доказуемо».

ональным законодательством: государства несут ответственность за осуществление договорных междуна-родно-правовых обязательств в рамках их внут-реннего законодательства, и они могут выбрать наиболее подходящие средства, принимая во вни-мание наделение компетенцией различных органов на национальном уровне. Другими словами, госу-дарство имеет свободу наделения исполнительной, законодательной или судебной власти полномо-чиями применению или осуществлению соответствующих норм международного права до тех пор, пока договоренности не противоречат границам соответствующих международных обязательств этого госу-дарства.

3.2. Имплементационное законодательство

Международные стандарты, которые должны быть реализованы в национальной правовой си-стеме можно классифицировать следующим обра-зом: стандарты, которые будут внедряться исполни-тельным органом; стандарты, подлежащие приме-нению судебными органами власти и стандарты, ко-торые должны быть реализованы законодательным органом. Последняя категория может быть разде-лена на стандарты, которые содержат четкое обяза-тельство принимать имплементационное законода-тельство и стандарты, которые делают это неявно (то есть, эксплицитно и имплицитно). Разница между этими двумя категориями заключается в том, что формулировка стандарта, подпадающего под по-следнюю подкатегорию, прямо не указывает на при-нятие законодательства, но использует родственные понятия, такие как «меры» или «стратегии».

Имплементационное законодательство в свою очередь может быть разделено на акты реализации и акты инкорпорации, которые различаются, по крайней мере, по двум направлениям [9, с. 38]. Во-первых, принимая во внимание, что акты реализа-ции могут потребоваться для разработки или допол-нения международно-правовой нормы, обязатель-ной для исполнения государством в целях обеспече-ния реализации целей договора (обычно опреде-ленных в международном документе), акты инкор-порации не предусматривают такой разработки. Вместо разработки или дополнения международно-правовых обязательств, они служат единственной цели присвоения качества закона существующим по-ложениям международного происхождения во внут-реннем праве. Во-вторых, юридическое обязатель-ство принять акт реализации вытекает исключи-тельно из международно-правового документа. Акт

инкорпорации, напротив, в первую очередь требу-ется законом государства. Таким образом, акты ре-ализации и акты инкорпорации могут быть разграни-чены с теоретической точки зрения, однако с практи-ческой – вполне возможно, что национальный зако-нодательный акт будет выполнять одновременно и международно-правовую функцию имплементации и инкорпорацию документа. В конечном счете, мно-гое зависит от каждого национального правового по-рядка, его специфических особенностей.

Отметим справедливость высказывания В.М. Левченко о том, что вся практика текущего правотворчества есть вторжение в систему права. Основные его формы (дополнение, конкретизация, детализация) есть постоянный процесс объективиза-ции норм права, их глубокой специализации и рас-ширения объема регулирования [27, с. 24]. Дальней-шее наше исследование показало, что цели импле-ментации распространяются не только на создание имплементационного законодательства [9, с. 42], но и имеют задачи, сопряженные с вторжением в наци-ональную правовую систему.

В выборе способов и форм заимствования (иначе – рецепции) норм международного права государства остаются свободными. Государство, внутригосударственное право, как бы в ответ между-народному праву, уточняет (формализует) эти обя-занности, определяет органы, ответственные за осу-ществление международных договоров [28, с. 130]. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 34 Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г. государство-участник может принимать бо-лее строгие или суровые меры, чем те, которые предусмотрены данной Конвенцией. Таким обра-зом, соглашение устанавливает минимальные стан-дарты осуществления, которые обеспечивают гар-монизацию внутренних мер для предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней. При этом текст данной Конвенции в значительной степени полагается на юридические условия и понятия, которые используются в юрис-дикциях государств ее участников, не требуется до-словная транспозиция, используемых в ней терми-нов и понятий.

Отметим, что массовое заимствование это обычное явление в юриспруденции. «Правовая гар-монизация» является общим подходом в междуна-родном праве, при котором государства согласовы-вают набор политических целей. Каждое государ-ство впоследствии вносит изменения в свое внутрен-

нее законодательство, считая это необходимыми для удовлетворения сформулированных целей политики. Ю.А. Тихомиров даже предлагает выработать набор типичных требований к «правовой готовности» имплементации норм международного права [29, с. 89].

Понятие «правовая унификация» означает, что применимые внутренние законы заменяются единым сводом согласованных правил на межправительственном или наднациональном уровне [30, с. 368].

Каких-либо специальных международно-правовых актов, регламентирующих хотя бы в общей форме порядок имплементации международных обязательств, не принималось [8, с. 58]. Однако, в отдельных сферах подобная практика есть. Примером национальной законодательной модели имплементации норм международного права может служить Акт КНР «Об имплементации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Act to Implement United Nations Convention against Corruption. 20 мая 2015 г.). Данный документ был принят в целях осуществления (имплементации) UNCAC, совершенствования системы предупреждения коррупции и борьбы с ней, укрепления антикоррупционного международного сотрудничества, технической помощи и обмена информацией, обеспечения возвращения незаконных активов и содействия транспарентности и подотчетности государственных органов. Актом определен внутренний правовой статус UNCAC, чем КНР подчеркивает исполнение соответствующих обязательств по международному праву [31, с. 339–342].

«Законы, и в первую очередь, Конституция определяют правовую позицию государства в международных отношениях» [4, с. 236]. Так, национальный механизм имплементации норм международного права основывается на Конституции РФ, Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁷ и др., то есть тех нормативных актах, которые опреде-

ляют место международного права в национальной правовой системе, решают вопрос о соотношении этих двух систем.

Исходя из содержания Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁸ можно сделать вывод, что на стратегическом уровне для нашей страны имплементация норм международного права имеет значение исключительно в рамках международных отношений – «верховенства международного права в межгосударственных отношениях» «создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право» (п. 8 и 87 Стратегии). В целях сохранения стратегической стабильности Российская Федерация способствует сохранению устойчивости международно-правовой системы (п. 104).

Национальное законодательство – это, прежде всего, внутреннее дело и государства не обязаны информировать о его принятии другие государства⁹. Более того, простое принятие закона, противоречащего правовым обязательствам государства, не будут приравниваться к международному противоправному деянию и только когда этот закон применяется в одном или нескольких случаях такое поведение влечет за собой международную ответственность¹⁰.

В прецедентном праве ЕСПЧ, на поставленный вопрос о том, находятся ли государства-участники ЕСПЧ под обязательством отменить внутреннее законодательство, противоречащее положениям договора, даже если соответствующее внутреннее законодательство не применяется на практике, суд предположил, что само существование таких законов может, при отсутствии применения в практике, равносильно нарушению ЕСПЧ¹¹.

Возможно, такой вывод сделан на основе общепологающего принципа *pacta sunt servanda*. Однако на практике получается, что современное международное право в вопросах имплементации под воздействием наднациональных механизмов следует не устоявшемуся и универсальному принципу

содержат следующее положение: «государства-члены должны сообщать Комиссии текст положений национального законодательства, которые они принимают в области, регулируемой настоящей директивой».

¹⁰ Prosecutor v Anto Furundžija (Trial Chamber judgment) IT-95-17/1-T (10 December 1998) par. 150.

¹¹ A.D.T. v the United Kingdom (App no 35765/97) ECHR 2000-IX 295, par. 23 and 38 and S.A.S. v France (43835/11) ECHR 2014-III 341, par. 57.

⁷ Собрание законодательства РФ. 1995. № 29, ст. 2757.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2016, № 1 (часть II), ст. 212.

⁹ Согласно праву ЕС национальный законодательный процесс должен дополняться дополнительным действием под названием «уведомление», посредством которого государства информируют Европейскую Комиссию о завершении процесса имплементации. Директивы ЕС часто

«договоры должны соблюдаться», а императиву – национальные законы должны изменяться *lex oportet mutare*, что хорошо характеризует вывод о том, что международное право «пробило броню» национальных правовых систем [32, с. 5–6].

То есть международная перспектива ставит свое право выше национального: государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права как оправдание своего неисполнения договора¹². Международный суд подтвердил, что основополагающий принцип международного права заключается в том, что международное право преобладает над внутренним правом¹³.

3.3. Решения международных судов

Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции и защите прав и основных свобод и Протоколов к ней» в ст. 1 устанавливает: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней»¹⁴. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указал судам: «Российская Федерация, как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации»¹⁵.

Итак, мы видим легитимность вторжения в национальную правовую систему решений международных судебных органов, поскольку у ЕСПЧ имеет место «юрисдикция» (позитивные обязательства) и есть «ответственность» [33, с. 5–7].

Изменениями, внесенными Законом РФ о правке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» было установлено: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹⁶. Еще в 2015 г. Конституционный суд РФ вынес Постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П о праве Российской Федерации не исполнять решения ЕСПЧ, если они противоречат Конституции Российской Федерации¹⁷.

Как справедливо отмечает академик Т.Я. Хабриева, зачастую толкование международных конвенций международными организациями не только значительно расширяет рамки международно-правовых предписаний, но и вносит в них существенные элементы импровизации, не являющиеся прямым отражением базовых международно-правовых норм [34, с. 101].

Следует привести мнение А.Л. Маковского: «нормы международных договоров толкуются по иным критериям, чем внутренние законы. Это вытекает из ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Применяемые в договоре понятия могут не совпадать с понятиями, терминами внутреннего законодательства. В этих случаях рекомендуется учитывать объект и цель договора (п. 1. ст. 31)» [35, с. 112].

3.4. Экстерриториальное действие зарубежного права

Анализ международной антикоррупционной деятельности, например, показывает, что при объединении различных практик (внутригосударственные, региональные и международные) выделились типичные организационно-правовые комплексы – модели антикоррупционного государственного строительства. И в этой связи можно ставить вопрос уже не только об имплементации норм междуна-

¹² См.: ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров; проект Декларации прав и обязанностей государств (ст. 13); доклад Комиссии международного права ГА ООН о работе ее первой сессии (12 апреля – 9 июня 1949 года) в Дос А/СН.4/13, пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 года) в Дос А/56/10; проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (ст. 32).

¹³ Применимость обязательства по арбитражу в соответствии с разделом 21 соглашения о центральных учреждениях ООН от 26 июня 1947 г. (консультативное заключение) [1988] ICJ Rep 12, par. 57.

¹⁴ Собрание законодательства РФ. 1998. № 14, ст. 1514.

¹⁵ Российская газета. 2003. 2 дек.

¹⁶ Собрание законодательства РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

¹⁷ Собрание законодательства РФ. 2015. № 30, ст. 4658.

родного права, направленных на борьбу с коррупцией, но и об имплементации практики, то есть стандартов, как системы правовых положений, органов их реализующих и образцов антикоррупционного поведения (управление и соблюдение). Формируются такие образцы (типичные модели) в государствах, затем, при определенной оценке (одобрения) и поддержки со стороны международного сообщества имплементируются в других государствах. Здесь показателен опыт имплементации положений FCPA и закона Великобритании «О борьбе со взяточничеством» (UK Bribery Act, 2010 – УКБА).

О превращении внутреннего права в часть международного указывал Блищенко И.П., отмечая, что английские юристы «заявляют, что международное право – часть common law, и это служит для них обоснованием обязанности английских судов применять международное право. Провозгласив международное право внутригосударственным правом Великобритании, английские юристы пытаются доказывать возможность перенесения «интернационализованного» тем самым common law на другие государства, заявляя, что common law является выражением универсального, мирового «общего права» [4, с. 123].

Так, рядом зарубежных государств были приняты законодательные акты по вопросам борьбы с коррупцией и взяточничеством, имеющие экстерриториальное действие. В Методических рекомендациях по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции (Министерство труда РФ, 2013 г.) указывается, что организациям, зарегистрированным и (или) осуществляющим деятельность на территории Российской Федерации, попадающим под действие FCPA и UK Bribery Act, следует учитывать установленные ими требования и ограничения. Так, в 2019 г. в обмен на отказ от дальнейшего судебного преследования и санкций по FCPA российская компания МТС подписала с регуляторами США соглашение, согласно которому заплатит штраф в размере 850 млн долл США. Ранее в рамках аналогичного расследова-

ния Vimpelcom (российский бренд «Билайн») и шведско-финская TeliaSonera выплатили США штрафов на общую сумму 1,76 млрд. долл США¹⁸.

3.5. Специализированные антикоррупционные суды

Разочарование в способности обычного механизма правосудия адекватно бороться с коррупцией побудило многие страны создать специализированные антикоррупционные учреждения¹⁹.

Так, в докладе ПРООН за 1999 г. по развитию прав человека в Южной Азии, охватывающей Индию, Пакистан, Бангладеш, Непал и Шри-Ланку в рамках призыва к «смелым, конкретным программам борьбе с коррупцией», странам предлагается создать специальные антикоррупционные суды. Подобные рекомендации были сделаны другими международными организациями, а также национальными экспертами. Например, Венецианская комиссия в отзыве по проекту закона Украины «О судах по борьбе с коррупцией» указала: «борьба с коррупцией и организованной преступностью может требовать мер, процедур и учреждений специализированного характера... специальный антикоррупционный судебный орган должен формироваться на конкурсной основе из судей с безупречной репутацией, должен быть зависимым только от закона и свободным от всех посторонних влияний и должен соответствовать стандартам Совета Европы и Венецианской комиссии» [31, с. 271–272].

Предполагается, что роль международных экспертов (членов Общественного совета международных экспертов)²⁰ в назначении судей является гарантией независимости Антикоррупционного суда Украины и его способности эффективно выполнять свои функции²¹.

Хотя во многих странах специализированные антикоррупционные суды были полностью «доморощенными», в ряде случаев стимулом к созданию такого органа послужили донорские усилия. В Афганистане международное сообщество (в частности, США и Великобритания) оказало давление на афган-

¹⁸ Газета.ru. 2019. 7 марта.

¹⁹ Заключение по проекту закона «Об антикоррупционных судах» и по проекту закона «О внесении изменений в закон “О судебной системе и статусе судей” (о введении обязательной специализации судей по рассмотрению дел о коррупции и коррупционных правонарушениях)». Принято Венецианской комиссией на 112-м пленарном заседании (Venice, 6–7 October 2017). CDL-AD(2017)020. URL : [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2017\)020-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2017)020-e)

²⁰ Общественный совет международных экспертов образуется сроком на шесть лет Высшей квалификационной комиссией судей Украины для содействия ей в подготовке решений по вопросам назначения на должности судей Высшего антикоррупционного суда и является ее вспомогательным органом (ч. 1 ст. 9 Закона Украины «О Высшем антикоррупционном суде»).

²¹ UNIAN. URL : <https://www.unian.info/politics/10145306-venice-commission-praises-ukraine-s-newly-adopted-law-on-anti-corruption-court.html>.

ское правительство, с тем, чтобы оно оперативно приступило к созданию антикоррупционных судов, как потому, что коррупция ими рассматривалась как серьезное препятствие экономическому развитию и безопасности в Афганистане, так и потому, что международные доноры были разочарованы тем, в какой степени средства, которые они предоставляли афганскому правительству, были незаконно присвоены²² [36]. Создание специального суда Непала было ответом на давление со стороны международных доноров (США и Великобритания), обеспокоенных существенной «утечкой» в финансируемых ими программах [37]. США и Великобритания в деле Афганистана и главным образом Азиатский банк развития в деле Непала также оказывали широкую финансовую и техническую поддержку судам во время и после их создания.

Создание Антикоррупционного суда в Украине в 2018 г. стало одним из условий продолжения сотрудничества между Украиной и МВФ, которое необходимо для погашения внешних долгов страны в ближайшие годы²³.

Исходя из того, что в начале 2000-х годов Гватемала была неспособна противостоять коррупции в государственных учреждениях, ее правительство обратилось об оказании помощи, в ответ на которое была создана Международная комиссия по борьбе с безнаказанностью в Гватемале (Comisión Internacional contra la Impunidad en Guatemala – CICIG).

Такая комиссия – это эксперимент по передаче правосудия на внешний подряд. В этой связи CICIG становится интересным и уникальным экспериментом для ученых в области как международного, так и конституционного права, а также для тех, кто фокусируется на государственном строительстве после гражданского конфликта, для сравнительного изучения [38].

CICIG является международным органом нового типа, который не зависит от ООН и регулируется исключительно ее учредительным документом. Этот орган отличается от традиционной международной организации тем, что он является полностью автономной организацией, которая не только действует в рамках внутреннего законодательства, но и регулируется соглашением международного права.

CICIG является новаторским и первым в своем роде международным органом, созданным между

государством (Гватемалой) и ООН, с широким охватом внутренней правовой системы Гватемалы и с полномочиями на борьбу с коррупцией в гватемальском государстве.

CICIG был создан в соответствии с соглашением, подписанным между ООН и Правительством Гватемалы 12 декабря 2006 г., соглашение было ратифицировано Конгрессом Республики 1 августа 2007 г. и вступило в силу 4 сентября 2007 г. Конституционный суд Гватемалы при рассмотрении вопроса о создании CICIG в 2007 г. вынес заключение: «Поскольку полное соблюдение прав человека является всеобщей заботой, логично, чтобы государство расширило свои обязательства в этой связи и потребовало поддержки со стороны международной организации, специализирующейся в этой области, такой, как Организация Объединенных Наций, которая согласуется с обязательствами, принятыми государством в различных международных документах в области прав человека, которые подтверждают всеобщую заботу о его действительности».

Действуя в качестве независимого международного органа, CICIG стремится расследовать деятельность незаконных групп и подпольных организаций безопасности в Гватемале – преступных групп, которые, как считается, проникли в государственные учреждения, поощряя безнаказанность и подрывая демократические завоевания в Гватемале после окончания вооруженного конфликта в стране в 1990-х гг. Она представляет собой новаторскую инициативу ООН совместно с государством-членом по укреплению верховенства права в постконфликтной стране.

CICIG является временным учреждением, которое имеет финансирование исключительно для целей выполнения своего мандата за счет добровольных взносов различных стран. В результате был создан целевой фонд, который находится в ведении Программы развития ООН (ПРООН). Это гарантирует независимость комиссии.

Комиссар CICIG назначается Генеральным секретарем ООН.

CICIG разрабатывает рекомендации о внесении изменений в гватемальское законодательство. Как предусмотрено в учредительном соглашении CICIG, такая работа является частью ее мандата: «выносить рекомендации государству Гватемала в отношении государственной политики, которая должна быть

²² Gutcher L. Afghanistan's Anti-Corruption Efforts Thwarted at Every Turn. *Guardian*, 2011. 19 July.

²³ См.: UNIAN. URL: <https://www.unian.info/politics/10145306-venice-commission-praises-ukraine-s-newly-adopted-law-on-anti-corruption-court.html>.

принята, включая необходимые судебные и институциональные реформы, в целях искоренения и предотвращения возрождения подпольных структур безопасности и незаконных сил безопасности».

7 января 2019 г. исполнительная власть страны осудила договор CIGIG, утверждая, что за 11 лет своего существования CIGIG нарушила национальный суверенитет и права людей, дела которых она расследовала. 9 января Конституционный суд вынес временное постановление, приостанавливающее действие денонсации президентом договора CIGIG. Однако параллельно исполнительная власть и ее сторонники в Конгрессе инициировали процесс импичмента в отношении судей Конституционного суда.

Таким образом, Конституционный суд Гватемалы создал новый монистический подход к международному праву в рамках национальной правовой системы, создал сценарий, при котором международно-правовые документы, такие, как Межамериканская Демократическая Хартия и Американская конвенция о правах человека, становятся дополнительными конституционными мерами, направленными в отношении национальных субъектов.

Пример, CIGIG поднимает новые вопросы о границах международных организаций в национальном контексте. Эксперимент CIGIG также демонстрирует необходимость переосмысления роли суверенитета и того, как конституционно это предусматривается во внутренней обстановке. Несмотря на то, что CIGIG пока еще не осуществила никаких конституционных изменений в Гватемале, на международном уровне CIGIG стала ориентиром для таких изменений. Так, в соседнем Гондурасе, еще одной стране, страдающей от коррупции, нынешнее правительство договорилось о создании аналогичного международного органа с организацией американских государств (ОАГ). В рамках этих новых усилий ОАГ ратифицировала договор с правительством Гондураса об оказании помощи в «диалоге» по реформе судебной системы Гондураса.

3.6. Международные рекомендации

Международно-правовые стандарты могут быть кодифицированы в дополнительных докумен-

тах, таких как руководящие принципы осуществления и справочники. Исходя из отсутствия в таких документах формальной юридической силы, их принято называть инструментами «мягкого права» (soft law). В ЕС, например, этот термин используется для обозначения актов, не имеющих обязательной силы, но, тем не менее, обладающих в пределах своей компетенции практическим или юридическим значением [39, с. 285].

Правотворческие полномочия международных организаций дают понять, что следует проводить различие между обязательными и необязательными их решениями, хотя эту строгую дихотомию может быть, трудно последовательно поддерживать на практике [40, с. 6–8].

Обязательные решения выносит, например, СБ ООН²⁴, резолюции Генеральной Ассамблеи [41, с. 21–42]. Необязательную категорию часто называют «рекомендациями». В отличие от обязательных решений международных организаций, их рекомендации не создают обязательств для своих адресатов [42, с. 880]. Так, ОЭСР «может выносить рекомендации членам организации для достижения ее целей»²⁵.

Парламентская Ассамблея СЕ предлагает²⁶ всем государствам-членам пересмотреть свое законодательство, касающееся борьбы с коррупцией, с учетом определенных руководящих принципов. Контроль за соблюдением государствами Совета Европы антикоррупционных стандартов возложен на ГРЕКО посредством проведения раундов взаимной тематической оценки, за которыми следует процедура соблюдения, предназначенная для оценки мер, принятых для осуществления рекомендаций ГРЕКО. Работа ГРЕКО напрямую требует от властей (в форме рекомендаций) не просто приведение национального законодательства в соответствие, а политических преобразований, организационных и законодательных реформ, по результатам реализации которых принимается доклад о выполнении рекомендаций ГРЕКО той или иной страной.

Выводы подобной оценки ГРЕКО – это утверждения о том, что законодательство государства и

²⁴ Некоторые Решения СБ ООН влекут за собой обязательство государств-членов принимать законодательные меры внутреннем уровне – требуют имплементационного законодательства. Примерами могут служить принятые Советом Безопасности ООН резолюции 1373 и 1540 в 2001 и 2004 годах, соответственно, в рамках глобальных усилий по борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения (см.: UNSC Res 1373 (28 September

2001) UN Doc S/RES/1373 and UNSC Res 1540 (28 April 2004) UN Doc S/RES/1540).

²⁵ Конвенция об Организации экономического сотрудничества и развития (принята 14 декабря 1960 года, вступила в силу 30 сентября 1961 года) 888 UNTS 179 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См.: Corruption as a threat to the Rule of Law. Committee on Legal Affairs and Human Rights. AS/Jur (2013) 19.

практика правоприменения соответствуют или не соответствуют требованиям. Однако практика деятельности GRECO ясно дает понять, что подход «один размер подходит всем» не конструктивен. Рекомендации GRECO должны тщательно адаптироваться к каждой конкретной стране²⁷. Отмечается, что подобные рекомендации, в частности, по отношению к нашей стране, принимаются, как правило, без учета правовых традиций и особенностей национальной правовой системы [43, с. 212]. Более того, достаточно твердый и проникающий характер рекомендаций GRECO, не огражденный в полной мере от влияния политических пристрастий, может нести для России определенные политические риски.

Так, GRECO обращалась к Российской Федерации с рекомендациями предусмотреть конфискацию доходов от коррупции относительно всех преступлений коррупции УК РФ так же как других преступлений, которые могут быть связаны с коррупцией и предусмотреть эффективную конфискацию в таких случаях (ст. 104.1-3 УК РФ) [44, с. 2].

Роль подобных рекомендаций видится в регулировании сторон международных отношений. Рекомендации не должны касаться содержания норм национального законодательства, так как законодательство является суверенным правом каждого государства.

Так, ЕСПЧ последовательно придерживается следующего: «в тех случаях, когда от государства требуется принятие позитивных мер, выбор средств в принципе является вопросом, который подпадает под сферу компетенции договаривающегося государства. Есть разные варианты обеспечения конвенционных прав, и даже если государство не применило одну конкретную меру, предусмотренную внутренним законодательством, она может выполнять свою позитивную обязанность с помощью других мер, средств»²⁸. Возможно, ЕСПЧ придает большее значение результату, который получается от применения внутренних мер, а не характеру этой меры, будь она законодательная или не законодательная²⁹.

²⁷ Российская Федерация входит в GRECO и должна участвовать в процедуре оценки, а, следовательно – совершенствовать свое антикоррупционное законодательство в соответствии с международными нормами.

²⁸ См., например: Будаева и другие против России (Budayeva and Others v. Russia) (App no 15339/02, 21166/02, 20058/02, 11673/02 and 15343/02) ECHR 20 March 2008, par. 134.

Поэтому абсолютно верна позиция нашего государства в отношении рекомендаций GRECO, которая была высказана заместителем председателя Комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции, А.Б. Выборным: «Как правило, мы достаточно оперативно исполняем только те нормы, которые согласуются с нашим национальным законодательством. В то же время, если по результатам проработки мы приходим к выводу, что какие-либо действующие нормы уже охватывают рекомендации GRECO, то мы, безусловно, свое решение в этой части мотивированно отстаиваем»³⁰.

Рекомендации ФАТФ не дублируют и не подменяют соответствующие положения других принятых международных актов и соглашений, а служат их дополнением. На основании резолюции № 1617 от 2005 года Совета безопасности ООН они обязательны для всех государств, являющихся членами Организации объединенных наций, ipso facto членства в этой организации [45, с. 30].

Следует признать, что дискуссия не-право и право в международном праве может представлять больший интерес скорее для науки, чем для практики [46, с. 38]. В этой связи следует отметить, что международные правовые режимы создаются в результате переговоров нескольких государств и всякий раз, когда они не могут достичь консенсуса по тексту определенного соглашения в качестве обязательного требования, включение необязательных положений в международный правовой режим не следует рассматривать в качестве альтернативы включению императивных положений, а в качестве альтернативы невключению норм по конкретной теме вообще.

3.7. Право Европейского Союза

ЕС – интеграционное образование – «представляет собой новый правовой порядок международного права в интересах из которых государства ограничили свои суверенные права»³¹, «эффективно заменяя национальные законодательства законодательством ЕС» [47, с. 43]. Там, где законодательство ЕС продвигается вперед, применимые внутренние

²⁹ См.: Brincat and others v Malta (App no 60908/11, 62110/11, 62129/11, 62312/11 and 62338/11) ECHR 24 July 2014, par. 112.

³⁰ Эксперты GRECO готовят антикоррупционные рекомендации для России // Известия. 2017. 5 дек.

³¹ CJEU (Court of Justice of the European Union), Van Gend en Loos, case 26/62, judgment of 5 February 1963, ECLI:EU:C:1963:1, p. 12.

законы должны быть отменены. Законодательство ЕС запрещает существование внутренних законов, регулирующих охватываемый предмет по законодательству ЕС. Это прямое следствие передачи полномочий с национального уровня на уровень ЕС: «в той мере, в какой которым государства-члены передали законодательные полномочия ЕС, они больше не имеют полномочий принимать законодательные положения в этой области»³². То есть право ЕС имеет приоритет над внутренним законодательством государств-членов.

В результате своих монистических особенностей европейский правовой порядок соотносится с внутренними правовыми порядками принципиально иначе по сравнению с «неевропейским» международным правовым порядком. Эти особенности объясняют, почему государства-члены ЕС обязаны имплементировать принятые европейские законы: если бы это обязательство отсутствовало, европейские право зависело бы от готовности государств-членов сохранить свое верховенство над внутренними законами [48, с. 93].

«Закон», создаваемый этой международной организацией, является обязательным только для ее государств-членов [49, с. 120–121]. Однако законодательство ЕС может распространяться на ее ассоциированных членов третьих стран. В зависимости от характера и содержания соглашений ЕС с третьими странами выделяют такие формы, как сотрудничество, партнерство и ассоциация, где последнее предусматривает передачу отдельных вопросов правового регулирования в ЕС как наднациональный европейский орган.

Положения директив должна быть реализованы государствами, и законодательство ЕС предписывает метод транспозиции. Критерии его конкретности, точности и ясности не обязательно влекут за собой обязанность воспроизвести директиву дословно в конкретном виде, поскольку в зависимости от их содержания достаточным может быть их «общий правовой контекст»³³, чтобы заинтересованные

лица смогли знать в полной мере свои права и обязанности и, при необходимости, уметь ссылаться на них в национальных судах»³⁴.

Суд ЕС (CJEU) заявил, что требование конкретной транспозиции будет иметь мало практической пользы, так как положение может быть составлено в общих чертах и устанавливать правила, которые носят общий характер для правовых систем государств-членов. Соблюдение директивы ЕС, которая имеет такие характеристики, должно обеспечиваться на практике к конкретной ситуации, независимо от того, перенесена ли она в национальное законодательство точно такими же словами³⁵. Главное, чтобы такие предписания обеспечивали релевантность «законных ожиданий», имели правовую определенность с доступной и эффективной процедурой. Что касается рудиментарного характера норм, то международно-правовые режимы могут прямо предоставлять государствам свободу «заполнять» недостающие его части на национальном уровне.

4. Выводы

Анализ международно-правового вмешательства регулирующего характера в национальные правовые системы позволил выделить некоторые модели такого вторжения по форме и методам.

Формы вторжения международного права в национальные правовые системы:

юрисдикционное – решения международных судов;

захват – пример Гватемалы;

экстерриториальное – ФСРА, УКВА;

донорское – специализированные антикоррупционные суды;

софтовое – рекомендации ГРЕКО и др.;

делегированное – передача полномочий государства-члена органам ЕС;

ассоциация – взаимоотношения ЕС с третьими странами;

Методы вторжения международного права в национальные правовые системы:

принуждение – решения международных судов;

³² CJEU, Hauptzollamt Hamburg v Bollmann, case C-40/69, judgment of 18 February 1970, ECLI:EU:C:1970:12, par. 4; CJEU, Hauptzollamt Bremen, case C-74/69, judgment of 18 June 1970, ECLI:EU:C:1970:58, par. 4.

³³ CJEU (Court of Justice of the European Union), Commission v Germany, case C-29/84, judgment of 23 May 1985, ECLI:EU:C:1985:229, par. 23; CJEU, Commission v Italy, case C-363/85, judgment of 9 April 1987, ECLI:EU:C:1987:196, par. 7; CJEU, Commission v Germany, case C-131/88, judgment 28 February 1991, ECLI:EU:C:1991:87, par. 6.

³⁴ CJEU, Commission v Belgium, case C-475/08, judgment of 3 December 2009, ECLI:EU:C:2009:751, par. 41; CJEU, Commission v Italy, case C-456/03, judgment of 16 June 2005, ECLI:EU:C:2005:388, par. 51; CJEU, Commission v Austria, case C-194/01, judgment of 29 April 2004, ECLI:EU:C:2004:248, par. 39; CJEU, Commission v France, case C-233/00, judgment of 26 June 2003, ECLI:EU:C:2003:371, par. 76.

³⁵ CJEU, Commission v France, case C-233/00, judgment of 26 June 2003, ECLI:EU:C:2003:371, par. 76.

принудительно-зависимое – специализированные антикоррупционные суды;
рекомендательно-принудительное – FCRA, УКВА, национальное одобрение юрисдикции и решений зарубежных судов;
настойчиво-рекомендательное – ГРЕКО, ФАТФ;

конвергенция – Гватемала;
делегированное – передача полномочий государства-члена органам ЕС;
координационно-консультативное – взаимоотношения ЕС с третьими странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Keller H. Rezeption des Völkerrechts. Eine rechtsvergleichende Studie zur Praxis des U.S. Supreme Court, des Gerichtshofes der Europäischen Gemeinschaften und des schweizerischen Bundesgerichts in ausgewählten Bereichen / H. Keller. – Berlin : Springer Verlag, 2003. – 855 s.
2. Shaw M.N. International law / M.N. Shaw. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 1542 p.
3. Ruggie J.G. Report of the Special Representative of the Secretary-General on the issue of human rights and transnational corporations and other business enterprises / J.G. Ruggie. UN Doc A/HRC/17/31. – Geneva : UN, 2011. – 27 p.
4. Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право / И.П. Блищенко. – М. : Госюриздат, 1960. – 237 с.
5. International law: the collected papers of Hersch Lauterpacht. Vol. 4. The Law of Peace – Parts VII-VIII / E. Lauterpacht (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – xxvii, 571 p.
6. Jacobson H.K. A framework for analysis / H.K. Jacobson, E. Brown Weiss // Jacobson H.K., Brown Weiss E. (eds.). Engaging countries. Strengthening compliance with international environmental accords. – Cambridge : MIT Press, 1998. – 18 p.
7. Миронов Н.В. Советское законодательство и международное право / Н.В. Миронов. – М. : Междунар. отношения, 1968. – 200 с.
8. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права / А.С. Гавердовский. – Киев : Вища шк., 1980. – 320 с.
9. Beenakker E.B. The implementation of international law in the national legal order: a legislative perspective. Doct. Thesis / E.B. Beenakker. – Leiden : Leiden University, 2018. – 274 p.
10. Ибрагимова Ю.Э. Верховный Суд Российской Федерации как субъект механизма имплементации Европейской конвенции о правах человека в национальный правовой порядок / Ю.Э. Ибрагимова // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 156–172.
11. Verzijl J.H.W. International law in historical perspective / J.H.W. Verzijl. – Vol. I: General subjects. – Leiden : A.W. Sijthoff, 1968. – 576 p.
12. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law / J. Crawford. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 888 p. – DOI: 10.1093/he/9780199699698.001.0001
13. Gaja G. Dualism. A review / G. Gaja // Nijman J., Nollkaemper A. (eds.). New perspectives on the divide between national and international law. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – P. 52–62. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199231942.003.0003.
14. Arangio-Ruiz G. International law and interindividual law / G. Arangio-Ruiz // Nijman J., Nollkaemper A. (eds.). New perspectives on the divide between national and international law. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – P. 15–51. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199231942.003.0002.
15. Wasilkowski A. Monism and dualism at present / A. Wasilkowski // Makarczyk J. (ed.). Theory of international law at the threshold of the 21st century. Essays in honour of Krzysztof Skubiszewski. The Hague: Kluwer Law International, 1996. P. 326–328.
16. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5–18. – DOI: 10.12737/article_59522f9788ffe2.03969891

17. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / Хабриева Т.Я. и др. – М. : ИЗИСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 448 с.
18. Джебрин Д.Д. Имплементация норм международного права во внутригосударственном законодательстве. На примере арабских стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Д. Джебрин. – Киев, 1984. – 22 с.
19. Трунцевский Ю.В. Нормы международного права как источники российского уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Трунцевский. – Рязань, 1995. – 20 с.
20. Зыбайло А.И. Имплементация норм международного права в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Зыбайло. – М., 1999. – 23 с.
21. Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации / В.А. Батырь. – М. : ГЕНДАЛЬФ, 2000. – 72 с.
22. Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы общей части) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Вдовин. – Казань, 2006. – 28 с.
23. Азимов Н.Б. Имплементация международно-правовых норм в нормы Общей части уголовного права Республики Таджикистан / Н.Б. Азимов. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. – 84 с.
24. Субботина Е.Н. Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 22 с.
25. Dixon M. Textbook on international law / M. Dixon. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 450 p. – DOI: 10.1093/he/9780199574452.001.0001
26. Neff S. United Kingdom, in: Shelton D. (ed.). International law in domestic legal systems: Incorporation, transformation, and persuasion. Oxford: Oxford University Press, 2011. 724 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199694907.001.0001
27. Левченко В.М. Субординация в структуре права России (функциональные аспекты) / В.М. Левченко. – Рязань : Ин-т права и экономики МВД России, 1996. – 176 с.
28. Мюллерсон Р. Национально-правовая имплементация международных договоров СССР / Р. Мюллерсон // Вестник Московского университета. Серия XI: Право. – 1978. – № 6. – С. 130–133.
29. Тихомиров Ю.А. Реализация международно-правовых актов в российской правовой системе / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 1999. – № 3/4. – С. 87–94.
30. Carbonara E. The paradox of legal harmonization / E. Carbonara, F. Parisi // Public Choice. – 2007. – Vol. 132, no. 3–4. – P. 367–400.
31. Трунцевский Ю.В. Антикоррупция и конституция. Мировые, региональные и национальные тенденции: монография / Ю. В. Трунцевский, А. К. Есян ; под общ. ред. Ю. В. Трунцевского. – М. : Юрайт, 2019. – 481 с.
32. Cassese A. International law / A. Cassese. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 560 p.
33. Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации / А.И. Ковлер. М.: Норма, 2019. – Т. 2. – 400 с.
34. Цирин А.М. Финансовые механизмы против коррупции: международные стандарты и национальные решения / А.М. Цирин, Э.Д. Дымберова, Е.Д. Шиндяпина // Журнал российского права. – 2013. – № 9. – С. 100–113.
35. Международное частное право. Современные проблемы / Афанасьева Л.А. и др. ; отв. ред. М.М. Богуславский. – М. : ТЕИС, 1994. – 507 с.
36. Mason W (ed.). The Rule of Law in Afghanistan: Missing in Inaction. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 350 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511760082.
37. Dix S. Corruption and Anti-Corruption in Nepal / S. Dix // Norad Report 18/2011. Discussion. – Oslo : Norwegian Agency for Development Cooperation, 2011. – 86 p.
38. Villagrán Sandoval C.A. Soberanía y Legitimidad de los Actores Internacionales en la Reforma Constitucional de Guatemala: El Rol de CICIG / C.A. Villagrán Sandoval // Política Internacional. – 2016. – Vol. 1, no. 1. – P. 30–46.
39. Wellens K.C. Soft law in European Community law / K.C. Wellens, G.M. Borchardt // European Law Review. – 1989. – P. 223–260. – DOI:10.1017/S2071832200020836.
40. Blokker N. Decisions of international organizations: the case of the European Union / N. Blokker // Netherlands Yearbook of International Law. – 1999. – Vol. 30. – P. 3–44. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S016767680000088X>.

41. Chinkin C. Normative development in the international legal system / C. Chinkin // Shelton D. (ed.). *Commitment and compliance. The role of non-binding norms in the international legal system.* – Oxford : Oxford University Press, 2000. – P. 21–42.
42. Öberg M.D. The legal effects of resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the jurisprudence of the ICJ / M.D. Öberg // *European Journal of International Law.* – 2005. – Vol. 16, iss. 5. – P. 879–906. DOI: 10.1093/ejil/chi151.
43. Цирин А.М. Роль Группы государств против коррупции (GRECO) в имплементации международных антикоррупционных стандартов в национальное право стран-участников / А.М. Цирин, Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* – 2018. – № 1 (41). – С. 208–215.
44. Логвинова М.А. Анализ выполнения Россией рекомендаций Группы государств против коррупции по внедрению международных антикоррупционных стандартов (раунды I-II) / М.А. Логвинова, Г.В. Машанов, Н.Н. Мельник ; под ред. И. В. Шуманова. – М. : Трансперенси Интернешнл, 2019. – 130 с.
45. Лыков А.А. Имплементация рекомендаций группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) о виртуальных активах: сравнительно-правовая перспектива / А.А. Лыков // *Международное уголовное право и международная юстиция.* – 2019. – № 2. – С. 28–31.
46. Klabbers J. *International Law* / J. Klabbers. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 398 p. – URL : <https://doi.org/10.1017/9781316493717>.
47. Dougan M. *Approximation of Laws in the EU* / M. Dougan // Cane P., Conaghan J. (eds.). *The New Oxford Companion to Law.* – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 42–44. – DOI: 10.1093/acref/9780199290543.001.0001.
48. Mastenbroek E. *The politics of compliance. Explaining the transposition of EC directives in the Netherlands.* Doct. Thesis / E. Mastenbroek. – Leiden : Leiden University, 2007. – 193 p.
49. Alvarez J. *International organizations as law-makers* / J. Alvarez. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 720 p. – DOI:10.1093/acprof:oso/9780198765639.001.0001.

REFERENCES

1. Keller H. *Rezeption des Völkerrechts. Eine rechtsvergleichende Studie zur Praxis des U.S. Supreme Court, des Gerichtshofes der Europäischen Gemeinschaften und des schweizerischen Bundesgerichts in ausgewählten Bereichen.* Berlin, Springer Verlag, 2003. 855 s.
2. Shaw M.N. *International law.* Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 1542 p.
3. Ruggie J.G. Report of the Special Representative of the Secretary-General on the issue of human rights and transnational corporations and other business enterprises. UN Doc A/HRC/17/31. Geneva: UN, 2011. 27 p.
4. Blishchenko I.P. *International and domestic law.* Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 237 p. (In Russ.).
5. Lauterpacht E. (ed.). *International law: the collected papers of Hersch Lauterpacht, Volume 4 "The Law of Peace - Parts VII-VIII".* Cambridge, Cambridge University Press, 1978. xxvii & 571 pp.
6. Jacobson H.K., Brown Weiss E. A framework for analysis, in: Jacobson H.K., Brown Weiss E. (eds.). *Engaging countries. Strengthening compliance with international environmental accords.* Cambridge: MIT Press, 1998. 18 p.
7. Mironov N. V. *Soviet legislation and international law.* Moscow, Mezhdunarodnie otnosheniia, 1968. 200 p. (In Russ.).
8. Gaverdovskiy A.S. *Implementation of the norms of international law.* Kiev, Vishcha shkola, 1980. 318 p. (In Russ.).
9. Beenakker E.B. *The implementation of international law in the national legal order: a legislative perspective.* Doct. Thesis. Leiden, Leiden University, 2018. 274 p.
10. Ibragimova Yu. E. *The Supreme Court of the Russian Federation as a Subject of the Mechanism of Implementation of the European Convention on Human Rights in the National Legal Order.* *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 4, pp. 156–172. (In Russ.).
11. Verzijl J.H.W. *International law in historical perspective. Vol. I General subjects.* Leiden, A.W. Sijthoff, 1968. 576 p.

12. Crawford J. *Principles of Public International Law*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 888 p. DOI: 10.1093/he/9780199699698.001.0001
13. Gaja G. Dualism. A review, in: Nijman J., Nollkaemper A. (eds.). *New perspectives on the divide between national and international law*. Oxford, Oxford University Press, 2007. Pp. 52–62. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199231942.003.0003
14. Arangio-Ruiz G. International law and interindividual law, in: Nijman J., Nollkaemper A. (eds.). *New perspectives on the divide between national and international law*. Oxford, Oxford University Press, 2007. Pp. 15-51. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199231942.003.0002.
15. Wasilkowski A. Monism and dualism at present, in: Makarczyk J. (ed.). *Theory of international law at the threshold of the 21st century. Essays in honour of Krzysztof Skubiszewski*. The Hague, Kluwer Law International, 1996. Pp. 326–328.
16. Lazarev V. V. Integration of Law and the Implementation of Integrative Approaches to Law in a Court Decision. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 7, pp. 5–18. DOI: 10.12737/article_59522f9788ffe2.03969891 (In Russ.).
17. Khabrieva T. Ya., Kapustin A. Ya., Kovler A. I., et al. Implementation of the Judgments of the European Court of Human Rights in the Russian Legal System: concepts, legal approaches and practice. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2019. 448 p. (In Russ.).
18. Jebrin D.D. Implementation of international law into domestic law. On the example of the Arab countries. Cand. Diss. Thesis. Kiev, 1984. 22 p. (In Russ.).
19. Truntsevskiy Yu.V. Norms of international law as a source of Russian criminal law. Cand. Diss. Thesis. Ryazan, 1995. 20 p. (In Russ.).
20. Zybaylo A. I. Implementation of international law in the Republic of Belarus. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1999. 23 p. (In Russ.).
21. Batyr V. A. Implementation of the norms of international humanitarian law in the legislation of the Russian Federation. Moscow, GANDALF, 2000, 72 p. (In Russ.).
22. Vdovin V. A. Implementation of international legal norms in the criminal law of the Russian Federation (questions of the general part). Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2006. 28 p. (In Russ.).
23. Azimov N. B. Implementation of international legal norms in the norms of the general part of criminal law of the Republic of Tajikistan. Moscow, Moscow humanitarian university Publ., 2012. 84 p. (In Russ.).
24. Subbotina E. N. Implementation of the norms of international criminal law in the criminal legislation of foreign countries and Russia. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2013. 22 p. (In Russ.)
25. Dixon M. *Textbook on international law*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 450 p. DOI: 10.1093/he/9780199574452.001.0001.
26. Neff S. United Kingdom, in: Shelton D. (ed.). *International law in domestic legal systems: Incorporation, transformation, and persuasion*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 724 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199694907.001.0001
27. Levchenko V. M. Subordination in the structure of Russian law (functional aspects). Ryazan, ILE MI Publ., 1996. 176 p. (In Russ.).
28. Mullerson R. National-legal implementation of international treaties of the USSR. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XI: Pravo*, 1978, no. 6. pp. 130–133. (In Russ.).
29. Tikhomirov Yu. A. Implementation of international legal acts in the Russian legal system. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 1999, no. 3/4, pp. 87–94. (In Russ.).
30. Carbonara E., Parisi F. The paradox of legal harmonization. *Public Choice*, 2007, vol. 132, no. 3-4, pp. 367–400.
31. Truntsevskiy Yu.V., Yesayan A.K. Anticorruption and the Constitution. Global, regional and national trends. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 481 p. (In Russ.).
32. Cassese A. *International law*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 560 p.
33. Kovler A. I. *European Convention: Problems of Interpretation and Implementation*. Moscow, ILCL Publ., Norma Publ., INFRA-M Publ., 2019. 416 p. (In Russ.).
34. Tsirin A.M., Dymberova E.D., Shindyapina E.D. Financial mechanisms against corruption: international standards and national solutions. *Journal of the Russian law = Zhurnal rossiiskogo prava*. 2013, no. 9, pp. 110–113. (In Russ.)

35. Afanasieva L. A., Babaev M. H., Baratyants N. R., et al. Private international law. Modern problems. Moscow, TEIS Publ., 1994. 507 p. (In Russ.).
36. Mason W (ed.). The Rule of Law in Afghanistan: Missing in Inaction. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 350 p. DOI: doi.org/10.1017/CBO9780511760082.
37. Dix S. Corruption and Anti-Corruption in Nepal. Norad Report 18/2011. Discussion. Oslo, Norwegian Agency for Development Cooperation. 2011. 86 p.
38. Villagrán Sandoval C.A. Soberanía y Legitimidad de los Actores Internacionales en la Reforma Constitucional de Guatemala: El Rol de CIGI. *Política Internacional*, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 30–46. (In Spanish).
39. Wellens K.C., Borchardt G.M. Soft law in European Community law. *European Law Review*, 1989, pp. 223–260. <https://doi.org/10.1017/S2071832200020836>.
40. Blokker N. Decisions of international organizations: the case of the European Union. *Netherlands Yearbook of International Law*, 1999, vol. 30, pp. 3–44. DOI: <https://doi.org/10.1017/S016767680000088X>.
41. Chinkin C. Normative development in the international legal system, in: Shelton D. (ed.). Commitment and compliance. The role of non-binding norms in the international legal system. Oxford, Oxford University Press, 2000. Pp. 21–42.
42. Öberg M.D. The legal effects of resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the jurisprudence of the ICJ. *European Journal of International Law*, 2005, vol. 16, iss. 5, pp. 879–906. DOI: 10.1093/ejil/chi151.
43. Tsirin A.M., Truntsevskiy Yu.V., Sevalnev V.V. The role of Group of states against corruption (GRECO) in the implementation of international anti-corruption standards in the national law of the participating countries. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 208–215. (In Russ.).
44. Logvinova M. A., Mashanov G. V., Melnik N. N. Analysis of Russia's implementation of the recommendations of the Group of States against corruption on the implementation of international anti-corruption standards (rounds I-II). Moscow, Transparency Intl., 2019. 130 p. (In Russ.).
45. Lykov A. A. Implementation of the recommendations of the Financial action task force on money laundering (FATF) on virtual assets: a comparative legal perspective. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2019, no. 2, pp. 28–31. (In Russ.).
46. Klabbers J. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 398 p. <https://doi.org/10.1017/9781316493717>.
47. Dougan M. Approximation of Laws in the EU, in: Cane P., Conaghan J. (eds.). The New Oxford Companion to Law. Oxford, Oxford University Press, 2008. Pp. 42–44. DOI: 10.1093/acref/9780199290543.001.0001
48. Mastenbroek E. The politics of compliance. Explaining the transposition of EC directives in the Netherlands. Doct. Thesis. Leiden, Leiden University, 2007. 193 p.
49. Alvarez J. International organizations as law-makers. Oxford, Oxford University Press, 2005. 720 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198765639.001.0001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Валерий Филиппович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правоохранительной деятельности и адвокатуры Югорский государственный университет
627000, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16
E-mail: anisimov.vf@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: 2542-4073; AuthorID: 756068

Трунцевский Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Valery F. Anisimov – Doctor of Law, Associate Professor, Head, Department of Law Enforcement Activities and Advocacy
Ugra State University
16, Chekhova ul., Khanty-Mansiysk, 627000, Russia
E-mail: anisimov.vf@gmail.com
RSCI SPIN-code: 2542-4073; AuthorID: 756068

Yuri V. Truntsevskiy – Doctor of Law, Professor, Leading researcher fellow, Department of Methodology of Combating Corruption
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва, Черемушкинская ул., 34
E-mail: trunzev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9906-0586
Scopus AuthorID: 57205205764
SPIN-код РИНЦ: 1666-5637; AuthorID: 454654

34, Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia
E-mail: trunzev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9906-0586
Scopus Author: 57205205764
RSCI SPIN-code: 1666-5637; AuthorID: 454654

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Анисимов В.Ф. Вторжение международного права в национальную правовую систему / В.Ф. Анисимов, Ю.В. Трунцевский // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 40–57. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).40-57.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Anisimov V.F., Truntsevskiy Yu.V. Intrusion of international law into the national legal system. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 40–57. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).40-57. (In Russ.).